

у него находим: (Кучаш идет) «град разорити... мечу предати... в плен свести... огнем пожещи»; (татары) «спаху... вставаху... огонь возгнещяху»; «грады разоряюще, верных погубляюще»; «растлению предлагаемы и жены и мужи разлучаемы и бедне насилуемы и оскверняемы»; «зубы кусающе... иные же сокрушающе, иные же во огонь вметающе»; «из чресл исторгаху, овых на копья вознизаху, овых ножи резаху... убиваху»; «нападают... уязвляют... низлагают... попирают».

Приподнятый тон речи, отличающий «воинскую» повесть и выражающийся наиболее ярко в склонности к «лирическим» отступлениям (их много, например, в истории взятия Казани), находим и в нашей Повести, например: «О велие божие благодеяние!» восклицает автор по поводу удачной вылазки защитников Тары, считаемой им за чудо, и продолжает: «Како не удивимся твоему, Слове, милосердию!» и т. д. Такое же отступление — по поводу избиений в Тюмени, Красном Яре: «о них же (т. е. убиенных) подробно что рещи или глаголати или писати, от горькия болезни не вем!» И далее по тому же поводу: «Оле, велие падение бысть и убийство! О, бедные матери, колико болѣзнию сердец ваших внутренняя отсекаете!..» и т. д.

Наконец, можно добавить — на этот раз скорее для характеристики автора, нежели самой Повести — общую концепцию, идейное содержание Повести: автор ее (как и другие авторы «воинских» повестей) разделяет общепринятую в его время традиционную точку зрения на провиденциальное значение современных событий, проводимую главным образом в книжной литературе, близко стоящей к церковной — представление о ближайшем участии в делах человеческих с одной стороны божества, с другой — темной силы: несчастья, дурные дела — результат воздействия или действия сатаны, дьявола, или гнева божия на людей за грехи и т. п., удача, победа — результат милосердия божия к людям, покровительства христианам и т. д. На этой почве воззрений стоит и большая часть «воинских» повестей, напр., не раз упомянутая История о взятии Казани. Этим объясняется введение в Повесть и дидактического элемента с одной стороны и (в стилистическом отношении) в значительном количестве богомолений, обращений к божеству, поучений читателям и т. п. — с другой; то же найдем ярко выраженным и в Истории взятия Казани. Этим объясняется, таким образом, и стилистическо-формальная сторона Повести, поскольку она не покрывается «военным» характером рассказа. Но эта же идеология